

Методологическое осмысление социокультурных особенностей экспертизы в российских научных фондах

В.И. Коннов, М.В. Харкевич

В статье рассматривается проблема влияния российской национальной культуры на содержание научно-исследовательской деятельности. Авторы формируют гипотезу, согласно которой такое влияние может происходить из организационных особенностей отечественной науки, из исторически сформировавшихся представлений о содержании и смысле науки, а также из характерных психологических черт представителей российской культуры. Исходя из ролевой структуры научно-исследовательской профессии, в качестве наиболее подверженного культурному влиянию виду научной деятельности рассматривается экспертиза заявок на проведение научно-исследовательских проектов. В заключительной части статьи предлагаются программа и методология эмпирического исследования экспертного сообщества Российского фонда фундаментальных исследований.

Ключевым теоретическим вопросом для отечественной научной политики остается проблема культурного своеобразия сообщества российских ученых. Отсутствие четких представлений о характере этого своеобразия создает вокруг политических мер, направленных на преобразование научного комплекса, атмосферу неопределенности, которая ставит под сомнение целесообразность любого шага, пусть даже имеющего убедительное экономическое обоснование. Можно заметить, что большая часть инициатив последних лет – будь то создание инновационных центров, учреждение федеральных университетов или другие шаги, представляющие собой попытки перенести успешный зарубежный опыт на отечественную почву, – подспудно исходят из предположения, что культурного своеобразия науки не существует или что оно настолько незначительно, что его влиянием можно пренебречь. Эту точку зрения нельзя сходу квалифицировать

как заблуждение – она достаточно распространена среди самих ученых и, в принципе, имеет под собой основания. Начиная с периода своего формирования в XVI-XVII вв. современная наука развивалась как международное, общеевропейское предприятие. Россия присоединилась к нему с некоторым опозданием и, хотя в дальнейшем она вошла в число ведущих научных держав, приходится признать, что импорт науки в Россию состоялся, когда все ее основные черты уже были оформлены. Современная же наука является видом деятельности, имеющим универсальное международное значение, и ученые зачастую встречают гораздо больше понимания со стороны своих зарубежных коллег, говорящих на другом языке, нежели со стороны своих соотечественников, не занятых научной деятельностью. Наука, таким образом, воспринимается как особая глобальная культура, а научные сообщества различных стран – как ее анклавы.

Коннов Владимир Иванович – к.социол.н., доцент кафедры философии МГИМО(У) МИД России
E-mail: vikonnov@yandex.ru

Харкевич Максим Владимирович – к.полит.н., начальник отдела научного планирования, статистики и учета МГИМО(У) МИД России. E-mail: kharkevich@mail.ru

Статья подготовлена в рамках проекта Российского гуманитарного научного фонда №10-02-00223а «Соотношение экономических и культурных факторов в формировании концепций научной политики»

Можно уточнить, что речь идет, скорее, о семействе научных культур, так как между различными дисциплинами так же нередко существуют заметные различия в мировоззрении, но, в целом, любого ученого приходится признать представителем одновременно двух культур – международной научной и национальной. При этом сложно поверить, что они могут существовать как части идентичности людей науки изолированно, не оказывая друг на друга влияния.

В течение XX в. развитие социологического и психологического направлений науковедения двигалось в направлении усиления внимания к социокультурному контексту научной деятельности, за которым признавалась все большая и большая роль. Поворотным моментом стал выход в свет «Структуры научных революций» Томаса Куна, выступившего за рассмотрение науки, прежде всего, как конкурентной деятельности, в которой идет борьба между сторонниками различных идей. Направление развития научного знания определяется победившей стороной, а не предначертано заранее некоей внутренней логикой науки – неким «тайным языком» природы, постепенно открывающимся исследователям.

Это видение получило развитие в работах представителей эдинбургской школы социологии науки – Д. Блур, Б. Барнса и др. Они провозгласили «сильную программу» для своей дисциплины, которая исходила из того, что знание, неважно – ложное или истинное, является социальным феноменом и должно изучаться именно как таковое. Таким образом, за социокультурной средой признавалась ключевая роль не только в формировании мистических верований, ритуалов и художественных стилей, но и достоверных научных знаний. Несмотря на то, что в публикациях исследовательские результаты излагаются в соответствии с установленными научными изданиями правилами, которые требуют придавать им характер универсальных высказываний, очищенных от национального влияния или любых других проявлений своеобразия авторов, процесс получения этих результатов представляет собой коллективную деятельность. Она осуществляется в определенном контексте и подразумевает каждодневные решения, которые не могут приниматься в отрыве от принятых в данной культуре норм.

И хотя в науке утверждается необходимость стремиться к получению однозначных объективных данных, в чистом виде данные такого рода встречаются вовсе не так часто, как это представлено в публикациях. В их отсутствие ориентация на собственные субъективные предпочтения является для ученого не попыткой «срезать углы», а единственным способом принять взвешенное решение и продвинуться вперед¹:

— колоссально возросший за последние два десятилетия темп оборота информации все реже оставляет время на углубленный анализ и дополнительные проверки;

— он же вынуждает принимать быстрые решения и тем самым усиливает влияние культурного фактора на научно-исследовательскую работу.

Исходя из этого, правомерно считать, что деятельность ученого осуществляется под влиянием и международных норм научной деятельности, и норм национальной культуры. Чем больше неопределенности в принимаемом ученым решении, тем сильнее влияние последних. Одновременно следует учитывать, что научная деятельность предполагает не только исследовательскую работу. Классик социологии науки Роберт Мертон, анализируя содержание профессиональной деятельности ученых, выделил, помимо исследовательской роли, еще три, осуществление которых жизненно необходимо для существования и воспроизводства научного сообщества – преподаватель, администратор и «привратник науки»².

Роль «привратника» подразумевает экспертные функции, которые ученый осуществляет, выступая в качестве рецензента или участника ученых собраний, принимающих решения о кадровых назначениях, присуждении ученых степеней, опубликовании результатов, а также о финансировании научных проектов. Хотя исследовательская роль и признается ключевой, роль функции «привратника» практически не уступают ей по важности, так как именно с их помощью сообщество определяет и то, какие исследования могут быть осуществлены, и то, какие результаты могут быть признаны научными.

Логично предположить, что культурное влияние имеет наибольшие шансы проявиться при принятии решений о проведении того или иного исследования. Ибо в таких случаях речь идет лишь о планах научных коллективов, то есть существует явный недостаток информации, затрудняющий формирование полностью объективных мнений и подталкивающий экспертов к тому, чтобы восполнить его за счет своего «культурного багажа». Влияние культуры находит выражение в применяемой в принятии решений системе приоритетов, которая формируется за счет факторов, расположенных как «внутри» индивида – в его психике, так и «снаружи» – в социальной организации. С одной стороны, культура – это отражение характерных черт данного общества в установках и других психических структурах каждого из ее участников, с другой – отражение психических особенностей ее представителей в построенном и постоянно возобновляемом ими социальном мире. Специалисты по культурной психологии характеризуют эту дуалистическую природу следующим образом: «Мы используем термин *взаимозависимость* для того, чтобы передать впечатление, что люди, будучи вовлеченными в процесс взаимного конструирования, не могут воспринимать культуру пассивно. Напротив, они являются активными субъектами, *формирующими* самих себя и окружающих их миров, будучи сами, в свою очередь, сформиро-

ваны социокультурным способом. Причинно-следственные связи между социальными и психологическими образованиями – двусторонние, а их конструирование является взаимным процессом»³. Соответственно, культура определяется не как «связка черт или стабильный набор убеждений или императивов», а как «паттерны представлений, действий и артефактов, которые вводятся или распространяются с помощью социальных взаимодействий»⁴.

Таким образом, социокультурный факт – это устойчиво воспроизводимый элемент социального взаимодействия, причины которого могут лежать как в психическом – представлениях, установках, ценностях, так и в социальном – институтах, практиках, артефактах, а чаще всего располагаются одновременно и в индивидуальном и в общественном.

Более детальный анализ выделяет три основные группы культурных факторов:

- первую, институциональную культуру. составляет совокупность социальных институтов, связанных с воспитанием, образованием, а также правовой и экономической системами общества. Если рассматривать культуру как поле, в центре которого находится формирующий ее и формируемый ею индивид, то эта группа составляет центральную часть этого пространства, непосредственно окружающую индивида и оказывающую на него прямое воздействие;
- в соответствии с этой схемой вторая группа, включающая историю, языковую традицию, а также религиозные и философские воззрения, будет являться периферийной, воздействие которой обусловлено институтами, составляющими первую группу;
- и, наконец, третья группа – это самый центр схемы, часть культуры, интернализованная индивидом, которая включает усвоенные им социальные сценарии и нормы.

Вместе эти факторы формируют социальные ситуации, влияющие на их трактовку в индивидуальном восприятии, и, в конечном счете, определяют индивидуальные эмоциональные, когнитивные и поведенческие особенности⁵. Границы между группами условны: «...Культурное и психологическое, среда и индивид не могут рассматриваться раздельно. Культура – это мир, основанный на символической структуре, в котором социокультурное и психологическое зависят друг от друга. Соответственно, ни социокультурное, ни психологическое не могут быть ни сведены друг к другу, ни выведены друг из друга»⁶.

Наиболее сложная проблема в культурных исследованиях – выявление причинно-следственных связей. В тех случаях, когда удается установить некоторое устойчивое межкультурное различие, исследователь сталкивается с задачей: как объяснить причины этих особенностей? Продemonстрировать с однозначной достоверностью влияние экономических, религиозных или географических факторов на формирование

определенного культурного синдрома чаще всего оказывается невозможным, и авторы социокультурных исследований, как правило, формируют гипотезу, которую с разной степенью убедительности обосновывают описательным или историческим материалом.

Но возможен и другой подход, который предлагает брать описания в качестве отправной точки: «Исследователь может принять в качестве своего предмета феноменологический опыт индивидов, существующих в данной культуре, провести углубленный анализ определенной культурной характеристики, изучить как данная культурная характеристика проявляет себя в рамках данного общества или различных обществ, или же заняться установлением взаимосвязей между культурной характеристикой X и культурной характеристикой Y (не беспокоясь о направлении причинно-следственной связи)». В чисто описательных исследованиях такого рода никаких детерминистских утверждений не делается... Более зрелые науки (как например, биология) начинали именно таким образом и до сих пор уделяют значительное внимание описанию»⁷. Данный подход позволяет нам начать исследование с описания того, что представляют из себя международная научная культура и российская национальная культура в том виде, в котором она проявляется в научном сообществе.

Основу науки как особой культуры можно связать с «научным этосом» в том виде, в котором он был описан Мертоном. Рассуждая о взаимодействии науки и общества, он указывал, что научная деятельность не может существовать без общественной поддержки. Готовность же общества поддерживать науку напрямую связана со способностью последней поставлять объективные данные, находящие применение в самых разных отраслях экономики. Науке удалось занять место основного поставщика знаний именно благодаря тому, что она смогла обеспечить такие условия исследовательской деятельности, в которых невозможно длительное время уклоняться от соблюдения требований объективности: главная часть научного исследования – это систематическое сопоставление собственных умозаключений с «показаниями» природы, что предопределяет сравнительно быстрое выявление ошибок и подлогов. Таким образом, основной целью научного этоса – совокупности принимаемых и поддерживаемых научным сообществом императивов, – является обеспечение объективности научных данных.

Этих императивов четыре – универсализм, коллективизм, бескорыстность и организованный скептицизм. Императив универсализма требует оценивать любой научный вклад независимо от личностных характеристик его автора – расы, национальности, пола, возраста, служебного положения и т.п. Утверждения науки относятся к объективно существующим явлениям, и в этом смысле они универсальны, т.е. истинны вне зависимости от того, кем высказаны. Императив

коллективизма предписывает ученому незамедлительно передавать плоды своих трудов в общее пользование. Научные открытия являются продуктом сотрудничества ученых как современных, так и ушедших поколений и потому признаются достоянием всего сообщества в целом. Императив бескорыстности подразумевает, что ученый должен строить свою деятельность так, будто, кроме постижения истины, у него нет других интересов. Согласно Мертону, эта норма предостерегает не только от пренебрежения требованием объективности ради собственной выгоды, но и от попыток добиться более быстрого или более широкого признания своих подлинных результатов – ученый должен заниматься исключительно поиском истины, а определение ценности этой истины предоставить сообществу. И наконец, императив организованного скептицизма является отражением метода естественных наук, требующего детального анализа любого научного результата и исключающего возможность его некритического принятия.

Соблюдение императивов гарантирует достоверность добываемого знания, и под их влиянием ученые делают то, что полезно для развития науки и, соответственно, для укрепления ее общественного положения. Что же касается мотивации соблюдать эти нормы, то она связана с вознаграждением за открытие природных закономерностей, которое ученый может получить из рук научного сообщества, поощряющего не только успехи первооткрывателей, но и труд рядового исследователя при условии, что он следует научному этосу.

По наблюдениям Мертона, этос науки пользуется признанием ученых, но при этом далеко не всегда соблюдается. Декларируемая приверженность четырем императивам – обязательное условие вхождения в сообщество, и ученый не может выступать против них публично, однако в реальной жизни он вынужден руководствоваться гораздо более противоречивыми приоритетами. Альтернативный взгляд на нормативную организацию научного сообщества был предложен Айаном Митроффом, исследования которого показали, что люди науки вынуждены руководствоваться противоречащими друг другу требованиями. Так, например, ученый должен быть приверженцем свободы выбора исследовательской тематики, но в то же время исходить из необходимости наиболее рационального использования ресурсов, которые общество выделяет на научную работу⁸.

Вопрос «контрнорм» также затрагивают авторы концепции «тройной спирали» Генри Эцковиц и Лоет Лейдесдорф. По их мнению, наиболее существенное противоречие возникает в связи с императивом бескорыстности. Дело в том, что современному ученому все чаще приходится заниматься не только производством новых знаний, но и их рыночным продвижением. Ситуация, в которой раньше от него требовалось руководствоваться исключительно интересом расширения

границ познания, а вознаграждение он мог получить только за счет обладания определенным статусом внутри сообщества, сегодня сменяется условиями, в которых возникает возможность рассчитывать на прибыль от реализации полученного им знания. И, соответственно, появляется необходимость принимать его коммерческий потенциал во внимание при выборе предмета исследования. Связано это не только со стремлением к личному обогащению – сообщество в целом также стало гораздо внимательнее к вопросам коммерциализации и охотнее вознаграждает членов, которые способны добиваться успехов, имеющих денежное выражение. В результате императиву бескорыстности противопоставляется императив капитализации знания⁹.

Работы Эцковица и Лейдесдорфа позволяют дополнить аналогичной контрнормой каждый из мертоновских императивов. Следует учитывать, что Мертон ограничивал сферу действия научного этоса фундаментальной наукой, результаты которой по определению не могут принести прибыль в ближней перспективе. Однако за последние десятилетия границы между фундаментальными и прикладными исследованиями оказались в значительной мере размыты, а исследования Эцковица и Лейдесдорфа сосредоточены именно в тех отраслях науки, в которых этот эффект проявился наиболее сильно – в биотехнологиях и информатике. Такое совмещение фундаментальной и коммерческой ориентаций, естественно, сказывается на императивах научного этоса.

Так, коллективизм, требующий передавать исследовательские результаты в свободное пользование и отказываться от закрепления индивидуальных прав, вступает в противоречие с необходимостью скрупулезно фиксировать авторство на любой результат, который впоследствии может оказаться основой коммерчески значимой технологии. Учитывая, что открытия объективных закономерностей материального мира не защищаются правом интеллектуальной собственности, единственным способом сохранить монополию может оказаться секретность. В современном научном обороте такой подход вовсе не является девиантным, напротив, к нему подталкивают администрации научных организаций, которые прямо заинтересованы в увеличении прибыльности даже в тех случаях, когда они имеют статус некоммерческих учреждений, обязанных направлять всю выручку на уставные цели. В результате коллективизму фактически противопоставляется исключительность. И речь идет не только о том, что ученый рассматривает собственные результаты как предмет присвоения. Коллективная оценка работы ученого, на основе которой принимаются решения о служебном продвижении, осуществляется с учетом, в том числе, и объема исключительных прав, которые ему удалось закрепить за собой и своим работодателем.

Схожим образом императив организованного скептицизма вступает в противоречие с требованием продвигать полученные результа-

ты в сферу практического применения. Система нормативного регулирования фундаментальной науки, о которой писал Мертон, предполагает, что главная задача ученого – получать максимально достоверные знания. Уклониться от этого требования, работая в фундаментальной науке, довольно сложно, так как в этой среде ученый имеет дело преимущественно с коллегами по специальности, которые легко замечают недочеты и слабые места в выводах и, к тому же, располагают рабочим временем и техническими возможностями действительно осуществить проверку полученного результата. Иная ситуация складывается в условиях активного взаимодействия с предпринимательскими кругами и широкой публикой. К критерию достоверности примешивается критерий практичности, а от ученого требуется не только продемонстрировать достоверность своих результатов, но и убедить в перспективности их практического внедрения.

Такое убеждение, по определению имеющее дело с будущим, никогда не может быть однозначным и вынуждает прибегать к риторике. При этом эффективная реклама результатов способна компенсировать их слабую верифицированность, а коммерческое продвижение становится критерием, соответствие которому способно компенсировать недостаточно строгое применение императива организованного скептицизма. Эта тенденция нашла буквальное отражение в системе оценок Национального научного фонда США (ННФ) – крупнейшего американского агентства, финансирующего фундаментальные исследования по широкому спектру дисциплин: с 1998 г. два основных критерия, по которым оцениваются заявки – это «интеллектуальная ценность» проекта и «общественный эффект», который можно от него ожидать. При этом в документации ННФ подчеркивается, что критерии имеют равное значение.

В условиях дисциплин, в которых фундаментальность смешивается с практичностью, видоизменениям подвергается и императив, который Мертон ставил на первое место – универсализм. Его важным аспектом является независимость значения научного результата от профессионального статуса автора – заявление об открытии должно рассматриваться с одинаковым вниманием, сделано оно академиком или студентом. Мертон признавал, что это требование часто нарушается, в том числе и вследствие описанного им «эффекта Матвея» – тенденции научного сообщества приписывать заслуженным ученым неоправданно большое число достижений и обходить вниманием результаты, полученные исследователями, которые не пользуются признанием. Эти нарушения, по его мнению, носят характер патологии, и с ними надлежит бороться. Однако в современной науке действовать в строгом соответствии с принципом универсализма становится попросту невозможно, что особенно четко проявляется в ходе проведения экспертизы заявок о финансировании исследовательских проектов.

По сути, государственные и частные фонды, финансирующие исследования, направляют поступающие к ним заявки на рецензирование аналогично тому, как это происходит со статьями, поступающими в редакции научных журналов. Как нетрудно заметить, рецензирование является практическим воплощением императива организованного скептицизма. На рецензента в полной мере распространяются требования и остальных трех императивов: он не должен принимать во внимание личность автора, он должен убедиться, что автор не присвоил чужих заслуг и воздал должное своим предшественникам, и ему необходимо уделить внимание любым корыстным мотивам автора, которые могли повлиять на его выводы. Но при переносе этой процедуры с научного результата, представленного в статье, на находящийся на стадии планирования исследовательский проект следование императивам становится гораздо более сложной задачей. Когда речь идет об исследовательских планах, оценка во многом зависит от доверия, которое рецензент испытывает по отношению к автору заявки. Оценивать приходится не только состоятельность самих планов, но и способности, а также организационные возможности конкретного заявителя, которые должны позволить ему осуществить эти планы. Когда речь идет о рецензировании студенческой статьи, содержащей важное открытие, императив универсализма требует, чтобы статус автора не оказывал влияния на оценку. Но бессмысленно требовать того же от эксперта, рассматривающего студенческую заявку, которая содержит планы в корне пересмотреть основы какой-либо научной дисциплины, даже если в ней есть интересные идеи. Доверить подобный проект лицу, не обладающему опытом научно-исследовательской работы, будет очевидно безответственным решением.

Невозможность отделить оценку содержания заявок от оценки их авторов была продемонстрирована в крупном исследовании экспертизы в ННФ, проведенном Комитетом по науке и государственной политике в 1977 г. Одним из его выводов было то, что результат рассмотрения заявки прямо зависит от оценки научных заслуг ее автора. Фактически эти два показателя оцениваются экспертами в тесном переплетении друг с другом и в случае необходимости вынести самостоятельную оценку научных успехов автора в отрыве от содержания представленной им заявки, эксперты выставляют баллы, в сильной степени коррелирующие с оценкой, ранее выставленной его проекту¹⁰.

В целом, ситуация рецензирования приводит к расширению влияния, которое оказывает на ученого социокультурный контекст. Именно на этом этапе воздействие национальной культуры может проявляться с наибольшей очевидностью. В принципе, любая экспертная группа, работающая в рамках определенной дисциплины или организации, имеет собственную устойчивую систему приоритетов, которая может вступать в противоречие с этосом сообщества в целом. В

качестве примера можно взять экспертов Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) – одну из наиболее авторитетных российских экспертных групп, в которой представлены специалисты по всем основным научным направлениям. Выявление системы приоритетов этой группы и, особенно, степень ее отклонения от этоса науки, которому она не может полностью следовать уже в силу того, что речь идет об оценке планируемых исследований, могло бы стать ценным результатом, способным приблизить к ответу на вопрос о культурном своеобразии российского научного сообщества.

Гипотеза, согласно которой такое своеобразие реально, опирается на то, что существуют, по крайней мере, три группы факторов, избежать влияния которых эксперты не в состоянии:

а) экономической ситуации, в которой находится научное сообщество;

б) социальные структуры, организующие работу экспертов;

в) культурно-историческая традиция.

Главным психологическим следствием сложной экономической ситуации, в которой российская наука находится уже два десятилетия, является формирование в научном сообществе ощущения собственной «бедности». Это ставшее устойчивым ощущение возникло под влиянием двух основных моментов: шока, вызванного обвальным сокращением финансирования в начале 1990-х, прямо отразившимся на уровне жизни большинства ученых, и сравнения собственного социально-экономического положения с положением научных сообществ западных стран. Масштабный рост финансирования исследований на протяжении последнего десятилетия пока не смог переломить это ощущение, которое сохраняется из-за низкого уровня доходов российских ученых по сравнению с другими профессиональными группами и отсутствием возможностей для большинства из них выйти за пределы бюджетного сектора. Конкретные причины этого самоощущения требуют более детального анализа, но, продолжая существовать, оно, конечно же, не может не влиять на принятие решений. Фактически такое самовосприятие может полностью искажать содержание экспертной процедуры, подталкивая экспертов к тому, чтобы рассматривать гранты не как заказ на выполнение определенных работ, а как финансовую помощь нуждающимся коллегам, что, естественно, предполагают принципиально иную логику оценки.

На систему приоритетов также способна влиять организационная структура экспертизы. Нормативные документы РФФИ предусматривают четырехэтапную экспертную процедуру:

- на первом этапе каждый проект передается на рассмотрение трем экспертам, готовящим индивидуальные письменные заключения;
- второй этап подразумевает обсуждение заключений на секциях экспертного совета в

составе 5-7 ученых, специализирующихся на определенных научных направлениях. Они представляют рекомендации относительно поддержки проектов и объемов финансирования пленарному заседанию соответствующего экспертного совета в составе представителей всех направлений, входящих в определенную отрасль науки – физику, химию и т.д. (всего в РФФИ девять экспертных советов);

- рассмотрение на пленарном заседании составляет третий этап, по итогам которого составляется проект решения о финансировании;
- на завершающем четвертом этапе данные рекомендации проходят утверждение в Совете РФФИ.

Организационное обеспечение всех этапов экспертизы возлагается на штатные подразделения фонда, сотрудники которых выполняют исключительно административно-технические функции, не вмешиваясь в процесс экспертизы. По должности начальники отделов, организующих конкурсы, являются одновременно учеными секретарями экспертных советов, но не имеют права участвовать в подборе экспертов или в обсуждении проектов. Таким образом, система экспертных советов полностью свободна от бюрократического влияния – их участники никаким образом не подотчетны штатным сотрудникам фонда. Разделение экспертной и административной систем РФФИ находит отражение и в том, что первая возглавляется Советом РФФИ, председатель которого является главным должностным лицом фонда, в то время как административный аппарат подчиняется директору РФФИ, назначаемому и освобождаемому от должности по представлению председателя. Последний также формирует и представляет на утверждение Правительству России состав Совета РФФИ, который, в свою очередь, формирует экспертные советы.

Этим фактически закрепляется верховенство экспертного аппарата над бюрократическим. Такое сочетание, с одной стороны, автономии экспертов, а с другой – высокой степени централизации экспертного аппарата и широких полномочий председателя совета, не является характерным для организаций, которые служили прообразом для создателей РФФИ в начале 1990-х. По свидетельству специалистов, участвовавших в обсуждении возможных образцов для российского фонда, «основной моделью во время его создания послужил Национальный научный фонд. Но после того, как РФФИ начал свою деятельность, его руководство принимало во внимание также опыт других иностранных организаций, включая DFG [Немецкое научно-исследовательское сообщество]»¹¹.

Характерно, что в ННФ эксперты назначаются программным администратором – штатным сотрудником фонда, от которого, в конечном

счете, зависит решение о поддержке или отклонении рассматриваемых проектов. Что же касается системы экспертизы DFG, то она, так же как и в РФФИ, автономна от аппарата, однако руководство этой организации избирается в ходе широкой демократической процедуры, в которой принимают участие практически все сотрудники научно-исследовательских институтов и университетов Германии, имеющие ученую степень. И хотя во внимание принимались оба образца, структура РФФИ использовала их элементы для создания собственной специфической комбинации, заметно отклоняющейся от ключевых идей американской и немецкой организаций.

Объяснение этому повороту можно найти в истории советской науки. В СССР политическое представительство научного сообщества осуществляли занимавшие административные посты ученые, которые пользовались доверием партийных руководителей. Этот небольшой круг специалистов получал, с одной стороны, возможность привлекать колоссальные ресурсы под реализацию возглавляемых ими исследовательских программ, а с другой – брал на себя личную ответственность за выполнение принятых обязательств. Такой подход позволил решить целый ряд масштабных задач и давал возможность ученым, которые работали под руководством научных деятелей, пользовавшихся доверием партийных лидеров, успешно преодолевать сложную систему бюрократических согласований. Во взаимодействии политического руководства и научного сообщества закрепились следующие схемы:

- выдвижение в научные руководители ученых, имеющих выдающиеся исследовательские достижения;
- наделение их расширенными полномочиями, которые позволяли обеспечить ресурсами проводимую ими научную работу.

История дает как успешные, так и провальные примеры использования этого подхода – среди первых – атомный и космический проекты под руководством, соответственно, Игоря Курчатова и Сергея Королева, среди вторых – программа «мичуринской» биологии Трофима Лысенко, – но в любом случае он играл важную роль в организации взаимодействия политических и научных структур. Можно предположить, что именно эта схема получила отражение в созданной в 1990-х структуре РФФИ, которая в равной мере уклонилась от последовательности как в бюрократизации, так и в демократизации процесса распределения средств, закрепила расширенные полномочия назначаемого правительством руководителя фонда и оградила подчиненную ему структуру научных советов от влияния бюрократического аппарата.

Как говорилось выше, историко-мировоззренческий компонент культуры может воздействовать не только через социальные структуры, но также располагает источниками влияния в психике. Анализ этого компонента российской

научной культуры содержится в работе А.В. Юревича и И.П. Чапенко «Нужны ли России ученые?», в которой авторы отталкиваются от тезиса о связи научных ценностей с религиозными: «Система научного познания предполагает определенные психологические предпосылки и поэтому исторически формируется лишь тогда, когда в обществе вызревает соответствующая психология. М. Вебер связывал эту психологию с протестантской этикой... Российская же наука обычно рассматривается, в том числе и на Западе, как наука традиционного западного типа, имеющая свои социальные (репрессированность, идеологизация, обслуживание преимущественно оборонного комплекса и т.д.), но не психологические особенности. И здесь заключено очевидное противоречие: если западная наука является выражением протестантской этики, то российская православная культура должна была породить какую-то другую науку»¹².

По мнению психологов, влияние православной религии проявляется в следующем: «Одна из главных особенностей православия обычно видится в абсолютном приоритете духа над материей, в центрированности не на практических интересах, а на нравственном сознании. Поэтому неудивительно, что под влиянием православия главной проблемой российской науки стала проблема человека, его судьбы и карьеры, смысла и цели истории, а не практические интересы, служившие центром притяжения в Западной науке. В результате, несмотря на отдельные весьма громкие успехи российских естествоиспытателей, вплоть до XX века отечественная гуманитарная традиция была куда богаче естественнонаучной»¹³. Мощное влияние гуманитарного знания предопределяет присутствие в естественной науке таких черт как холизм, диалектичность, эмоциональность, которые находятся в прямом противоречии с нормами научного мышления. С этой точки зрения такие исторические события, как провозглашение диалектического материализма универсальным научным методом и последующая идеологизация науки, можно рассматривать именно в качестве следствия доминирующего положения гуманитариев.

По сути, само определение «гуманитарных наук» свидетельствует об их особом статусе – его содержание гораздо шире английского «humanities», которые традиционно включают историю, философию, филологию и искусствоведение. К этим дисциплинам не применяется требование обосновывать свои результаты эмпирически, они вольны использовать аналитические и спекулятивные методы в чистом виде. В то же время, психология, социология и экономика попадают в группу «social sciences», что означает распространение на них методологических требований, которые предъявляются к естественным наукам. В русском же языке «гуманитарные» и «общественные науки» используются практически как синонимы, охватывающие все упомянутые дисциплины. При этом характерным является

ся признание за гуманитариями равноправного положения с представителями естественных и точных наук – «лирики» обладают всеми средствами, чтобы на равных спорить с «физиками».

И в целом, для российского научного сообщества характерна большая толерантность к гуманитарным подходам по всему спектру дисциплин. Это может проявляться в тяге к поиску всеобъемлющих идей, всеобщего в малом и в связанном с этим стремлении придать любому научному результату глобальное значение; в склонности к диалектике и претенциозным неопровержимым теориям, в том числе к таким, по мнению Карла Поппера, образцово ненаучным учениям, как марксизм и психоанализ; в демонстративной эмоциональности по отношению к предмету собственных исследований, которая воспринимается не как помеха, мешающая получению объективных данных, а как способ «вчувствоваться» в предмет и увидеть его скрытые свойства и т.д.

И наконец, третий элемент культурного поля – интериоризованные ценности и нормы. Наиболее известной методикой исследования культурного своеобразия представителей различных стран остается подход Гирта Хофстеда, который предполагает оценку культуры по четырем ключевым характеристикам – индивидуализм/коллективизм, дистанция по отношению к власти, маскулинность/фемининность и избегание неопределенности. Позже к ним добавились конфуцианский динамизм и гедонизм/аскетизм, однако основная часть сравнительных исследований была осуществлена на основе изначального четырехфакторного подхода. В.Г. Бунина приводит обзор исследований, использовавших методику Хофстеда в России. Несмотря на некоторый разброс показателей, российская культура характеризуется как умеренно коллективистская и маскулинная и демонстрирует высокие показатели дистанции к власти и избегания неопределенности¹⁴.

Не углубляясь в содержание хофстедовских характеристик, скажем лишь, что применительно к стратегии принятия экспертных решений это может означать:

- подверженность оценки влиянию групповых интересов – научной организации, школы или «клана», которые представляет эксперт (коллективизм);
- положительное отношение к «саморекламе» авторов заявок и тенденция скорее подкреплять уже имеющиеся успехи, чем помогать менее удачливым исследователям и новичкам (маскулинность);
- внимание к соблюдению формальностей, неодобрение рискованных проектов или авторов, идущих на конфликт с признанными авторитетами или школами (избегание неопределенности);
- высокий уровень внимания к статусу заявителей (дистанция по отношению к власти).

Нетрудно заметить, что такие характеристики в целом оказываются в противоречии с мертоновским этосом практически по всем направлениям. И сложно представить, что отечественная научная культура может существовать как анклав западной, не подвергаясь влиянию национальных особенностей.

Изложенный материал подготовлен авторами как теоретическая база для исследования, которое предполагается провести в РФФИ. Своей задачей мы видим получение развернутых мнений экспертов о ценности императивов научного этоса и противостоящих им нормам и попытку объяснить истоки этих оценок на основе описанных в статье факторов, формирующих культурное своеобразие российского научного сообщества. Остановимся подробнее на методологии планируемого исследования. Ключевой его опорой служит упоминавшаяся выше сильная программа эдинбургской школы социологии науки¹⁵. Выбор данной программы объясняется гипотезой и целью исследования. Мы исходим из того, что социокультурные факторы оказывают влияние на работу экспертов и ставим своей целью оценить уникальный вклад этих факторов в сложную картину взаимодействия идеальных императивов научного этоса, выделенных Р. Мертоном, и противостоящих им нормам, отмеченных, среди прочих, Г. Эцковицем и Л. Лейдесдорфом. При этом мы допускаем, что социокультурные факторы оказывают не только негативное влияние на деятельность экспертов, подобно четырем призракам Бэкона, но способны стать основой верных с научной точки зрения решений.

Достоинство сильной программы социологии науки заключается в том, что она не отдает априорного предпочтения логике как основе научного развития. Она и не демонизирует социокультурное влияние на процесс производства научного знания¹⁶. Одна лишь логика не может объяснить приращение истинного знания в связи с тем, что человеку иррациональное свойственно в той же, если не в большей, степени, чем рациональное. Так, Б.М. Величковский, основатель и первый президент Ассоциации когнитивных исследований, отмечает, что «механизмы мышления человека не подчиняются законам формальной логики, хотя на протяжении всего XX века два этих понятия считались тождественными, по крайней мере, с точки зрения «правильного» мышления»¹⁷.

Исследования академика О.И. Ларичева по принятию решений и имплицитным знаниям показали, что недоступные рассудочному контролю знания в значительной степени определяют решения, принимаемые экспертами¹⁸.

Достоинств сильной программы лишен противоположный ей телеологический подход к объяснению развития научного знания, согласно которому наука может существовать только на основе логики и рациональности. «Пока человек остается рациональным существом,

■ Философия

– отмечает Д. Блур, – логические отношения, казалось бы, обеспечивают наилучшее объяснение имеющихся у него представлений, аналогично поезду, идущему по рельсам: рельсы сами укажут направление его движения». Внешние, иррациональные факторы, согласно этому подходу приводят только к ошибкам, искажению науки. Телеологический подход можно свести к следующему утверждению: «ничто не заставляет людей делать что-то правильно, но, конечно же, есть нечто, что заставляет их ошибаться»¹⁹.

Изучение социокультурного своеобразия экспертизы проектов в РФФИ с точки зрения телеологического подхода свелось бы к анализу «русских» ошибок в деятельности экспертов. В таком случае российская, немецкая, американская и любая другая наука рассматривалась бы как таковые в той мере, в какой они искажены «русскими», «немецкими» или «американскими» ошибками. Мы полагаем, что выносить априори такой приговор всем социокультурным факторам в науке неоправданно.

В нашей работе мы считаем нужным подойти к решению поставленной исследовательской задачи, используя такие понятия как «когнитивная структура», «когнитивная матрица», «когнитивная карта». Из них в общественных науках наиболее распространен последний термин. Понятие «когнитивной карты» отражает категориальную и понятийную систему мышления индивида, с которой он соотносит получаемую им информацию и через которую он воспринимает окружающий мир. Состоит данная система из узлов, символизирующих ценности, понятия, убеждения индивида и из направленных связей, выражающих причинные или иные отношения между этими узлами.

С помощью когнитивной карты индивида можно определить связи между различными понятиями, а также проследить в его сознании траектории перехода от одного понятия или убеждения к другому при решении различных вопросов. Кроме того, она позволяет установить систему приоритетов индивида, выстроить иерархию между ними. У каждого человека такая карта уникальна как по понятийному составу, так и по связям между отдельными понятиями. Однако на уровне отдельной нации, этноса или профессионального сообщества можно выделить некоторые общие, усредненные когнитивные особенности, позволяющие говорить о когнитивной карте, например, российского экспертного сообщества, работающего в государственных научных фондах.

Основание применению данной методики к анализу сообществ дают исследования на пересечении когнитивной лингвистики и культурологии²⁰. Когнитивная лингвистика постулирует неразрывную взаимосвязь между языком и сознанием, которые, в свою очередь, также находятся в неразрывных отношениях с культурой. В науке выделяются две общие модели отношений между сознанием, языком

и культурой: модель Гумбольдта и модель де Соссюра (см. рис. 1).

Рис. 1.

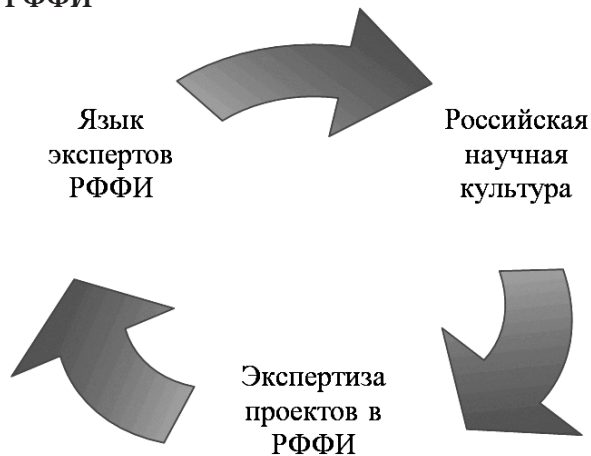
Семантические модели Гумбольдта и де Соссюра

А. Гумбольдт развивал теорию конститутивных отношений между языком, сознанием (мыслью) и культурой: сознание формирует язык и формируется языком, в свою очередь, язык выражает культуру и делает ее частью сознания (мысли). Ф. де Соссюр, напротив, рассматривал язык не как форму выражения сознания, а как относительно закрытую самоорганизующуюся систему. Для него семантика находится на стыке сознания, с одной стороны, и фонологической, грамматической и культурной форм, с другой стороны. Структурная семантика де Соссюра привела, в конечном итоге, к полному отделению сознания от языка.

После долгого противостояния двух вышеприведенных семантических моделей доминирующие позиции в современной когнитивной лингвистике заняла семантическая модель Гумбольдта. В своем исследовании мы так же будем придерживаться данной модели, адаптировав ее к предмету нашего исследования (см.: рис. 2).

Рис. 2.
Семантическая модель экспертизы в РФФИ

Семантическая модель, представленная на рис. 2, отражает гипотезу нашего исследования: российская научная культура, экспертная деятельность в РФФИ и язык экспертов РФФИ конституируют друг друга. Российская научно-исследовательская культура оказывает формирующее влияние на деятельность экспертов и находит свое семантическое выражение в их языке, эксперты же, в свою очередь, участвуют в воспроизводстве устойчивых форм этой культуры. Наиболее удобным предметом для исследования среди трех компонентов данной модели является именно язык, который можно изучать по материалам выступлений, докладов экспертов, интервью с ними и т.д.

Анализ этого языка методом когнитивного картирования позволит построить когнитивную карту экспертного сообщества фонда, в которой можно с помощью различных культурологических методов выделить именно российскую специфику. В результате мы сможем, во-первых, оценить влияние социокультурных факторов на экспертизу проектов в РФФИ, а, во-вторых, создать основу для исследования культурной специфики научной деятельности в целом.

Ключевым методом анализа в нашем исследовании, таким образом, является когнитивное картирование. Данный метод сформировался в рамках когнитивной психологии и стал популярен к 1970-м годам. Наиболее активно метод когнитивного картирования развивался в рамках политических наук и использовался для определения индивидуальных когнитивных особенностей лиц принимающих политические решения. Среди пионеров данного метода следует отметить такие фамилии как Р. Аксельрод, О. Холсти, Г. Бонхам, Д. Харт, М. Шапиро.

В качестве примера использования когнитивного картирования можно привести результаты исследования когнитивных карт мировых политических лидеров, проведенного Г. Бонхамом и В.М. Сергеевым. Исследователям удалось выделить три, так называемые, «онтологические предиспозиции» или когнитивные картины мира. Бюрократам во всех государствах и особенно лидерам

третьего мира свойственен номиналистический взгляд, в котором действительность представляется в упрощенных бихевиористских категориях прямых причинно-следственных отношений. В таком мире малейшие усилия незамедлительно должны приносить желаемые плоды.

Русские, по утверждению Г. Бонхама и В.М. Сергеева, воспринимают действительность холистически, в ее целостности, а для ее описания используют биологические метафоры. В этом мире действуют скрытые процессы, которые приводят к неясным, трудно определимым результатам. При этом человек едва ли может вмешаться в эти процессы и изменить результаты их протекания.

Представители Запада воспринимают мир, согласно исследователям, структурно, учитывая разнообразные устоявшиеся типы отношений между его элементами, угадывая в нем сложные причинно-следственные связи. В результате мир предстает для западного человека в виде структурированного механизма, которым, зная соответствующие процедуры, приемы и технологии, можно управлять и добиваться желаемого результата.

Возможно, рассмотренные три картины мира могут быть экстраполированы и на сферу науки. Интересно, что в рамках деятельности государственных научных фондов может происходить интерференция сразу трех культурных волн:

- бюрократической (так как в фонде работают бюрократы от науки);
- холистической (так как эксперты принадлежат к русской культуре);
- структурной (так как наука по-прежнему сохраняет рационалистический код эпохи Просвещения, осложненный современными представлениями о нелинейном развитии, самоорганизации и сложности изучаемых объектов).

Базу текстов нашего исследования предполагается составить из материалов полуструктурированных интервью с экспертами РФФИ. Такая форма интервьюирования представляет собой вербальное отражение письменных анкет с ясно заявленными исследовательскими целями. Интервью такого рода носят, как правило, компаративистский характер и предполагают сравнение ответов и их анализ в контексте общих групповых понятий и убеждений. Структурированные или полуструктурированные интервью наилучшим образом подходят для исследований ценностей и понятий сообщества с точки зрения самого этого сообщества²².

Цель интервью – выяснить представления эксперта об идеальном научном проекте. Анализ стенограмм этих описаний должен показать категории, с помощью которых эксперты описывают и аргументируют свое видение данного идеального объекта. Как правило, эти категории выражаются с помощью уникального сочетания устойчивых и часто повторяемых концептов, метафор и тем. Если это предположение подтвердится, возникнет возможность составить словарь, определить направленные отношения между выявленными

■ Философия

смысловыми единицами и, наконец, оформить получившуюся когнитивную карту экспертного сообщества РФФИ графически. В дальнейшем эти результаты могут послужить основой для углубленного культурологического анализа.

Представленная методология исследования социокультурных факторов в экспертизе научных фондов оригинальна в силу использования метода когнитивного картирования. Как правило, подобные исследования ограничиваются интервьюированием. К примеру, индийский социолог А. Прасад провел интересное исследование «научной культуры» на основе интервью со своим соотечественниками-учеными, работающими с ядерными магнитно-резонансными томографами, а также с административным персоналом научных лабораторий с целью выявить особенности культуры научно-технических исследований в Индии²³.

Социолога заинтересовал следующий парадокс. Несмотря на то, что, начиная с 1940-х годов, индийцы успешно работают с ядерными магнитно-резонансными томографами, их вклад в развитие этих технологий крайне несущественен. Одна из причин такого положения дел заключается в низком уровне кооперации между индийскими научными лабораториями. А. Прасад изначально полагал, что причиной всему – особенности национальной культуры, в этом его убеждали и некоторые опрошенные им ученые. Однако в ходе исследования он пришел к выводу, что культурные аспекты хотя и оказывают воздействие на исследовательскую работу с томографами, но только как

сопутствующий фактор влияния транснациональных сетей, определяющих доступ индийских ученых к высокотехнологичной аппаратуре (поставки комплектующих и т.п.), а также неэффективного администрирования научной деятельности в Индии. В этом взаимодействии культуры, власти и управления А. Прасад ставит факторы культуры лишь на третье место после факторов власти и управления.

Возможно, в ходе исследования мы также столкнемся с тем, что социокультурные факторы находятся в зависимости от каких-либо более влиятельных сил, определяющих характер экспертной деятельности в государственных научных фондах. Так это или нет, покажет исследование.

Konnov V.I., Kharkevich M.V. Understanding the methodology of studying sociocultural influence on the review process in Russian science foundations.

Summary: The authors analyze the influence of Russian national culture on the cognitive content of scientific research and suggest a hypothesis, that such influence may have three main sources: organizational peculiarities of the Russian science, historically formed beliefs in regard to the content and mission of science, and typical psychological traits of the culture's representatives. Having examined the role structure of the scientific profession the authors consider the refereeing of project proposals as the professional activity most influenced by culture and offer a research program and methodology for an empirical study of the referee community of the Russian Foundation for Basic Research.

Ключевые слова

психология науки, социология науки, научные фонды, научное сообщество, когнитивное картирование.

Keywords

psychology of science, sociology of science, research foundations, scientific community, cognitive mapping.

Примечания

1. См.: Додельцев Р.Ф., Коннов В.И. Краткая история философии науки. М.: Проспект, 2011. С. 148-169.
2. См.: Merton R., Zuckermann H. Age, aging and age structure in science. // Merton R. The sociology of science. Theoretical and empirical investigations. Chicago: University of Chicago Press, 1973. P. 497-560.
3. Markus H.R., Hamedani M.G. Sociocultural psychology: the dynamic interdependence among self systems and social systems. // Handbook of cultural psychology. Kitayama S., Cohen D. (eds.) New York: The Guilford Press, 2007. P. 5.
4. Ibid. P. 11.
5. См.: Oyserman D., Wing-Sing Lee S. Priming "culture": culture as situated cognition. // Handbook of cultural psychology. Kitayama S., Cohen D. (eds.) New York: The Guilford Press, 2007. P. 255-281.
6. Ibid. P. 27.
7. Cohen D. Methods in cultural psychology. // Handbook of cultural psychology. Kitayama S., Cohen D. (eds.) New York: The Guilford Press, 2007. P. 198.
8. См.: Vinck D. The sociology of scientific work. Cheltenham: Edward Elgar, 2010. P. 47.
9. См.: Etzkowitz H., Leydesdorff L. Universities and global knowledge economy. New York: Continuum, 2001. P. 144-145.
10. См.: Cole S. Making science: between nature and society. Cambridge: Harvard University Press, 1995. P. 96-100.
11. Дежина И.Г., Грэхем Л. Наука в новой России: кризис, помощь, реформы. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2009. С. 73.
12. Юревич А.В., Цапенко И.П. Нужны ли России ученые? М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 124-125.
13. Там же. С. 131.
14. См.: Бунина В.Г. Кросс-культурный менеджмент и межкультурная коммуникация. М.: 2008. С. 47-49.
15. См.: Блур Д. Сильная программа в социологии знания // Логос. – 2002. – № 5-6 (35). – С. 1-24.
16. Там же. С. 6.
17. Величковский Б.М. От Homo Economicus к Homo Cognitivus // Форсайт. – 2007. – № 4(4). – С. 32-35. URL: http://www.ecsocman.edu.ru/data/875/883/1219/004_04for.pdf 10 июня 2011 г.
18. См.: Ларищев О.И. Теория и методы принятия решений, а также хроника событий в Волшебных Странах. М.: Логос, 2000.
19. Блур Д. Сильная программа в социологии знания // Логос. – 2002. – № 5-6 (35). – С. 7.
20. См.: Dirven R., Wolf H.-G., Polzenhagen F. Cognitive Linguistics and Cultural Studies // The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics / D. Geeraerts, H. Cuycens (eds.). Oxford Univ. Press, 2007. P. 1203-1221.
21. См.: Bonham G. M., Sergeev V.M., Parshin P.B. The Limited Test-Ban Agreement: Emergence of New Knowledge Structures in International Negotiation // International Studies Quarterly. – 1997. – Vol. 41, Issue 2. – P. 215-240.
22. См.: Fetterman D. Ethnography // The SAGE Encyclopedia of Qualitative Research Methods / L. M. Given (ed.). Sage Publications, 2008. P. 290.
23. См.: Prasad A. Scientific Culture in the «Other» Theater of «Modern Science»: An Analysis of the Culture of Magnetic Resonance Imaging Research in India // Social Studies of Science. – 2005. – Vol. 35, no. 3. – P. 463-489.